

Мужчина улыбнулся, и Лидия внезапно помрачнела: ей совсем не хотелось, чтобы этот момент вышел за границы благопристойности. Он флиртует? Когда на этот счет возникают сомнения, ответ, скорее всего, «да». Лидия опустила книгу на прилавок, прикрывая обложку ладонью.

Мужчина уловил напряжение в этом жесте и сразу постарался исправить ситуацию:

— Я имел в виду, что лишние мнения могут лишь помешать самостоятельному восприятию текста. — Он взглянул на книгу под ладонью Лидии и добавил: — Замечательная вещь. Просто замечательная.

Лидия сдержанно улыбнулась, подняла с рычага сканер и направила его на книгу.

В следующий понедельник мужчина пришел снова и сразу направился к кассе, хотя в тот момент Лидия была занята с другим покупателем. Ее новый знакомый подождал, стоя рядом и положив руки на прилавок. Когда покупатель наконец ушел, они широко улыбнулись друг другу.

— Ну как? — спросила она.

— Невероятно! Даже лучше, чем в первый раз.

— Да! — Лидия хлопнула в ладоши.

Одна из главных героинь книги страдала от необычного расстройства: ей хотелось прыгать с высоты. Она не пыталась умереть, но из-за этого опасного пристрастия постоянно себя калечила.

— У меня такое же расстройство, — неожиданно признался Хавьер.

— Да вы что?! Не может быть!

Расстройство было фантазией автора.

И тем не менее Лидия тоже страдала от него. Если она слишком близко подходила к ограде своего балкона, ей приходилось крепче держаться за перила. Приходилось вдавливать пятки в пол. Она боялась, что однажды просто сиганет вниз — бесцельно, бездумно. Разобьется о тротуар под рев и свист машин, которые будут напрасно пытаться объехать ее тело. Скорая опоздает. Лука останется сиротой, и все

ошибочно решат, что она покончила с собой. Чтобы избежать такой кончины, Лидия раз за разом прокручивала в голове этот сценарий. *Мне нельзя прыгать.*

— А я-то думал, я один такой, — признался Хавьер. — Я был уверен, что все это какое-то безумное порождение моего сознания. И вот оно, в точности то же самое, в этой книге.

Лидия даже не сразу заметила, что слушает с открытым ртом. Она тяжело опустилась на стул.

— А я думала, это я одна такая.

Хавьер поднял руки с прилавка и выпрямил спину.

— И вы тоже?

Лидия молча кивнула.

— *Well, my God!*¹ — воскликнул Хавьер и рассмеялся. — Что ж, можно открывать группу поддержки.

И так они стояли и разговаривали — так долго, что в какой-то момент Лидия предложила гостю кофе, и тот ответил согласием. Она подтащила табуретку к дальнему концу прилавка, чтобы мужчине было удобнее пить. Он очень старался не запачкать усы кофейной пенкой. Они говорили про литературу и поэзию, про экономику и политику, про музыку, которую оба обожали. Хавьер провел в магазине два часа, и Лидия даже начала волноваться, как бы его не хватились на работе или где-то еще. В ответ мужчина лишь небрежно отмахнулся.

— Сейчас для меня нет ничего важнее нашего разговора, — сказал он.

Лидия всегда мечтала, что именно так когда-нибудь и будут проходить ее дни в книжном магазине. Что в перерывах между повседневной каторгой предпринимательства она будет развлекать любимых покупателей — таких же коммуникабельных и обаятельных, как и книги вокруг них.

— Мне осталось найти еще троих таких же покупателей, как вы, и можно считать, что жизнь удалась, — заметила Лидия, допивая кофе.

¹ Господи, ну и ну! (англ.)

Хавьер положил руку на грудь и слегка поклонился.

— Постараюсь заменить их всех, — пообещал он, а потом добавил негромко и как бы невзначай: — Знаете, в другой жизни я бы попросил вас стать моей женой.

Лидия резко поднялась с табуретки и покачала головой.

— Извините, — сказал Хавьер. — Не хотел вас смущать.

Лидия молча собрала чашки. Проблема заключалась не в этом признании, а в предательском чувстве: в другой жизни она, возможно, сказала бы «да».

— Пора мне приниматься за работу, — сказала она наконец. — Сегодня мне еще нужно сделать один заказ. И упаковать кое-какие посылки.

В тот день Хавьер купил семь книг, три из них — по совету Лидии.

Утром пятницы, во время летнего ливня, под навесом на входе в магазин возникли двое крупных грозных мужчин. Вскоре показался Хавьер. Увидев его, Лидия испытала острый прилив счастья: ей так хотелось обсудить новые книги! Она пыталась вести себя как обычно, но при виде двух незнакомцев, по-прежнему стоявших под навесом, у нее в груди перехватывало дыхание.

— Они вас нервируют, — заметил Хавьер.

— Я просто не понимаю, что им нужно. — Лидия поднялась со своего обычного места и принялась расхаживать вдоль прилавка.

Как и все владельцы соседних магазинов, она уже заплатила картелю дань за этот месяц. Платить больше она просто не могла.

— Я их прогоню, — сказал Хавьер.

Схватив его за руку, Лидия стала возражать и говорила все громче, а ее собеседник, напротив, успокаивал ее приглушенным голосом. Она попыталась преградить ему дорогу, но Хавьер обогнул ее и прошел мимо.

— Они вас покалечат! — прошептала она яростно, но стараясь не привлекать внимания.

В ответ мужчина лишь улыбнулся, отчего кончики усов слегка дрогнули, и снова ее подбодрил:

— Не покалечат.

Лидия поспешно спряталась за прилавком, а ее новый друг открыл дверь и переступил через порог. Она с удивлением наблюдала, как он спокойно разговаривает с двумя накачанными бандитами под навесом магазина. Те указывали на дождь, но Хавьер вскинул руку, словно стрелял из пистолета, и мужчины послушно шагнули в пелену ливня.

Лидия долго отказывалась понимать, что к чему. Визиты Хавьера становились чаще и продолжительнее, темы бесед становились все более личными, и дважды она мельком замечала фигуры тех самых мужчин. Однако она заставила себя забыть о власти, которую продемонстрировал Хавьер тем дождливым утром. Когда он впервые заговорил о своей жене, которую любовно называл *la reina de mi corazón*, «владычица моего сердца», настороженность Лидии ослабла. Когда он рассказал ей о существовании молодой любовницы, которую называл *la reina de mis pantalones*, «владычица моих штанов», заслоны рухнули почти полностью.

— Отвратительно! — заключила она, но с удивлением обнаружил, что и сама смеется.

В том, что женатый мужчина завел роман на стороне, не было ничего необычного, но вот так вот запросто обсуждать это с другой женщиной — это было совершенно неслыханно. Именно поэтому признание Хавьера сослужило сразу две службы: с одной стороны, избавило Лидию от подозрений (хотя и лестных) на романтическую привязанность, а с другой — по мере того как мужчина раскрывал потаенные грани своей личности — связало их тесными узами дружбы. Они доверяли друг другу секреты, делились смешными историями, наблюдениями, разочарованиями. Порой они даже рассказывали друг другу о том, что раздражало их в супругах.

Как-то раз Лидия пожаловалась, что Себастьян оставляет на кухонном столе грязные носки.

— Если бы я был твоим мужем, я бы никогда так не поступил! — воскликнул Хавьер.

— Конечно нет. — Лидия рассмеялась. — Ты был бы идеальным мужем.

— Я бы каждый день стирал все грязные носки!

— А то!

— Я бы каждую неделю сжигал все старые носки и покупал бы новые!

— Ага.

— Я бы и вовсе отказался от носков, если бы это сделало тебя счастливой!

Вопреки себе Лидия опять рассмеялась. В ответ на подобные заявления она просто закатывала глаза, потому что легкий флирт был лишь мимолетной тучкой на небосклоне их дружбы. Между ними разражались и настоящие грозы. Например, оказалось, что их отцы умерли примерно в одно и то же время и при похожих обстоятельствах — от рака. Это знание сделало их еще ближе. У обоих когда-то были хорошие отцы, и оба потеряли их в юном возрасте.

— Словно вступил в самый дерьмовый клуб по интересам, да? — заметил как-то Хавьер.

Отец Лидии умер почти пятнадцать лет назад, и хотя теперь она горевала лишь временами, в эти моменты скорбь оставалась такой же острой, как и в день его смерти.

— Я знаю, каково это, — говорил Хавьер, хотя она не упоминала об этом напрямую.

Так что она терпела его настойчивые заигрывания, а он, в свою очередь, принимал — вероятно, не без удовольствия — ее твердые отказы. Лидия считала, что это придает ему особенное обаяние.

— Но, Лидия, — галантно говорил Хавьер, прижав руки к сердцу, — исключая других моих возлюбленных, ты и есть *la reina de mi alma*.

Владычица моей души.

— Что бы сказала на это твоя бедная жена?

— Моей замечательной жене хочется только одного: чтобы я был счастлив!

— Да она у тебя святая!

Он часто рассказывал о своем единственном ребенке, шестнадцатилетней девушке, которая училась в частной школе в Барселоне. Стоило Хавьеру заговорить о ней, как в нем все менялось: голос, лицо, жесты. Его любовь к дочери была так сильна, что даже в разговорах он упоминал о ней в самых деликатных выражениях. Ее имя было словно хрупкий хрустальный шар, который Хавьер боялся уронить.

— Я часто шучу про своих многочисленных возлюбленных, но на самом деле любовь у меня только одна, — с улыбкой сказал Хавьер. — Марта. *Es mi cielo, mi luna y todas mis estrellas*¹.

— Я ведь и сама мать, — кивнула Лидия. — Я знаю эту любовь.

Ее друг сидел напротив на табурете, который она теперь считала его табуретом.

— Эта любовь настолько огромна, что иногда меня пугает, — продолжал Хавьер. — Я не надеюсь ее заслужить, поэтому мне страшно, что однажды она исчезнет, поглотит меня без остатка. И в то же самое время, кроме нее за всю свою жизнь я не сотворил ничего хорошего.

— Ой, Хавьер... это наверняка неправда.

Ее собеседник помрачнел. Покачав головой, потер глаза под стеклышками очков.

— Просто моя жизнь сложилась совсем не так, как я хотел, — сказал он. — Знаешь ведь, как оно бывает.

Но Лидия не знала. Они уже несколько недель как дружили и все лучше узнавали друг друга, но в этом вопросе не могли найти общий язык. Лидия не думала, что у нее будет только один ребенок, но в остальном ее жизнь сложилась именно так, как она хотела. Она давно оставила в прошлом

¹ Мои небеса, моя луна и все мои звезды (*исп.*).

надежду родить дочь, сумела смириться с этим разочарованием. Лидия была довольна выбранным путем, и даже более того. Она была счастлива. Но теперь Хавьер смотрел на нее через стекла своих очков, и в его глазах читалось отчаянное желание быть понятым. Сжав губы, она сказала:

— Расскажи мне все.

Хавьер снял очки, сложил их и, моргая, спрятал в нагрудный карман рубашки. Оставшись без привычной защиты, его глаза казались маленькими и уязвимыми.

— Я мечтал стать поэтом! — Он рассмеялся. — Нелепо, правда? В наше-то время! — Лидия накрыла ладонью его руку. — Я думал, что стану ученым. Буду вести спокойную жизнь. Меня бы вполне устроила бедность.

Лидия скривила рот и провела пальцем по циферблату элегантных часов на его запястье.

— Что-то я сомневаюсь, — сказала она.

Хавьер пожал плечами:

— Я и правда люблю хорошие ботинки.

— И стейки, — напомнила она.

— Да, но кто же не любит вкусный стейк? — со смехом ответил он.

— Ты бы разорился на одних только книгах.

— *Dios mio*¹, Лидия, ты права! Из меня бы получился никудышный бедняк.

— Ужасный, — согласилась она и, немного помолчав, добавила: — Но если ты и правда несчастлив, еще ведь не поздно, правда? Ты ведь еще молодой.

— Мне пятьдесят один год!

Даже меньше, чем она думала.

— Да ты, считай, ребенок. Да и вообще, из-за чего ты так грустишь?

Хавьер опустил глаза на прилавок, и Лидия с удивлением увидела на его лице гримасу искреннего страдания. Склонившись к нему поближе, она негромко сказала:

¹ Боже мой (*исп.*).

— Ты можешь изменить свою жизнь, Хавьер. Точно можешь. Ты такой талантливый, такой способный человек. Что тебе мешает?

— Да ну. — Хавьер покачал головой и снова надел очки. Его лицо вновь приобретало привычные очертания. — Теперь это просто романтические мечты. Все кончено. Я сделал выбор давным-давно. И оказался, где оказался.

— Но ведь получилось не так уж и плохо? — спросила Лидия, покрепче сжав его руку. Так она могла бы говорить с Лукой, пытаясь настроить сына на более оптимистичный лад.

Хавьер медленно моргнул и слегка склонил голову набок. Этот жест было трудно истолковать.

— Сойдет и так, — ответил он наконец.

Тогда Лидия распрямилась и, глотнув из чашки почти остывший кофе, заметила:

— В результате теперь у тебя есть Марта.

— Да, Марта. — Глаза Хавьера заискрились. — И ты.

В следующий раз он пришел к ней с коробкой печенья кончас и уселся на свое обычное место. Лидия ходила между полками, помогая покупателям выбирать книги. Хавьер тем временем открыл свою коробку и выложил на салфетки два печенья в форме ракушек. Когда покупатели подходили на кассу, чтобы расплатиться, он здоровался с ними так, словно и сам работал в магазине. А потом предлагал им угоститься. Когда они с Лидией наконец остались вдвоем, Хавьер выудил из внутреннего кармана пиджака небольшой блокнот и положил его на прилавок.

— Что это такое? — спросила Лидия.

Тревожно сглотнув, ее друг ответил:

— Мои стихи.

Глаза Лидии широко распахнулись от восторга.

— Я никому раньше их не показывал. Только Марте. Она изучает в школе поэзию. А еще французский и математику. Она, конечно, намного умнее своего старого папаши.

— Ах, Хавьер.

Мужчина беспокойно теребил краешек блокнота.

— Я всю жизнь пишу стихи. С самого детства. Я подумал, может, ты захочешь их послушать.

Лидия придвинула табурет поближе и опустила подбородок на переплетенные руки. Между ней и Хавьером на промавленной салфетке лежало печенье. Он открыл блокнот и принялся листать потрепанные страницы. Хавьер переворачивал их медленно и осторожно, пока наконец не добрался до нужного места. Затем он прокашлялся и стал читать.

До чего же скверными оказались его стихи! мрачные и в то же время совершенно пустые, такие ужасные, что Лидия еще сильнее полюбила своего друга — за то, что он доверился ей и предстал перед ней таким беззащитным. Закончив, Хавьер выжидательно посмотрел на Лидию. Его лицо исказила тревога. Но она искренне сказала с сияющим, теплым взглядом:

— Прекрасно. Очень красиво.

Их дружба крепла и развивалась на удивление стремительно. Вскоре заигрывания почти полностью сошли на нет, а вместо них возникло чувство близости, которое Лидия прежде испытывала только в кругу семьи. Связь с Хавьером была чисто платонической, но приносила в ее жизнь новые краски.

Благодаря ему Лидия поняла, что в возрасте степенного материнства жизнь по-прежнему может быть увлекательной, что всегда есть шанс встретиться с чем-то, с кем-то новым. В день ее рождения — хотя, как Лидии помнилось, она не сообщала ему эту дату — Хавьер вручил ей серебристый сверток размером с книгу. На ленточке было написано: «*Jacques Genin*».

— Это тебе от главного шоколатье Парижа, — объяснил он.

Поколебавшись, хотя и не очень убедительно, Лидия приняла подарок (шоколад она обожала). По чистой случайности она съела эти крошечные шедевры все до последнего

прежде, чем за ней явились Себастьян и Лука, чтобы отвести ее на праздничный ужин.

Из-за участившихся стычек между картелями семья Лидии — как в общем-то и большинство семей Акапулько — почти перестала ходить по ресторанам. Установленный порядок нарушила молодая группировка «Лос-Хардинерос». Поначалу это название не вызывало среди населения должного страха, впрочем, эта проблема быстро была решена. Очень скоро жители города узнали, что эти «Садовники» редко используют огнестрельное оружие, давая волю своей фантазии. Им импонировали более уютные орудия: лопаты, топоры, серпы, крюки и мачете. Простейшие инструменты ручного труда. С их помощью «Лос-Хардинерос» могли перевернуть землю; с их помощью они выкорчевывали и погребали своих соперников. Кое-кому из свергнутых правителей удавалось выжить; некоторые присоединялись к рядам захватчиков, но большинство бежали прочь. В результате кровопролитие почти прекратилось, и победитель набросил на плечи города покров тревожной тишины. На протяжении четырех месяцев на улицах Акапулько было относительно спокойно, и жители стали осторожно выходить на улицы, в рестораны и магазины. Они горели желанием восстановить разрушенную экономику. Они мечтали выпивать в барах. И поэтому Лидия с семьей отправилась в ресторан, выбранный скорее из-за соображений безопасности, а не качества обслуживания, в самом приличном районе, где деньги туристов накладывали на бандитов определенные ограничения. Там, в окружении сияющих лиц своих родных, она задула свечи на торте в свой тридцать второй день рождения.

Чуть позже тем же вечером, когда Лука отправился спать, а Себастьян открыл бутылку вина, они снова завели разговор о текущем положении дел в Акапулько. Лидия стояла за кухонной стойкой, оставив чуть в сторону винный бокал.

— Здорово, что мы сегодня выбрались, — сказала она.

— Словно снова все в порядке, правда? — Себастьян сидел на диване, закинув скрещенные ноги на журнальный столик.

— На улице было много людей.

В тот вечер они впервые за год побывали в ресторане вместе с Лукой.

— Теперь осталось только вернуть туристов, — сказал Себастьян.

Лидия тяжело вздохнула. Для Акапулько туристы всегда были главным источником жизненной силы, но почти всех их отпугнули бандитские разборки. Она не знала, как долго продержится ее магазин, если в скором времени они не вернуться. Хотелось верить, что недавнее затишье предвещает смену курса.

— Как думаешь, все действительно налаживается?

Себастьяну было известно о картелях буквально все — что одновременно и восхищало, и расстраивало Лидию. Ее муж знал множество подробностей. Большинство людей были как Лидия: они не хотели знать. Они пытались отгородиться от жуткой реальности наркомира, потому что не смогли бы жить с этим знанием. Напротив, Себастьян жадно поглощал информацию. Он часто говорил: свободная пресса — последняя линия обороны, единственное, что стоит между народом Мексики и полным уничтожением. Таково было его призвание, и по молодости Лидия восторгалась его идеализмом. Она была уверена, что любой ребенок Себастьяна выйдет из ее утробы с достоинством и полным набором непогрешимых моральных принципов. Этим детям даже не придется объяснять разницу между добром и злом. Но теперь картели каждый месяц убивали какого-нибудь журналиста, и принципиальность мужа ужасала Лидию. Такое поведение казалось лицемерным, эгоистичным. Лидии больше хотелось видеть его живым, чем верным своим убеждениям. Она мечтала, чтобы Себастьян сменил работу на что-то более